

УДК 159.9.075

Лебедева Н.В.

Институт переподготовки и повышения квалификации руководящих кадров и специалистов социальной защиты города Москвы

ИССЛЕДОВАНИЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

N. Lebedeva

*Institute of Professional Development of Managerial Personnel and Specialists
in the Social Defense System of Moscow*

RESEARCH ON TEENAGERS' SELF-DETERMINATION: COMPARATIVE ANALYSIS

Аннотация. В статье представлены данные сравнительного анализа результатов эмпирического исследования двух групп подростков, воспитывающихся в семье, и социальных сирот, проживающих в социально-реабилитационном центре. Исследование, проведенное с помощью методики Куна-Макпартленда «Кто Я?», показало значимые различия в самоопределении респондентов. С помощью анализа структурных составляющих социальной идентичности показаны различия в выборах подростков, их образа-Я, эмоциональных реакциях на социальные ситуации; определены основные векторы формирования подростковой идентичности у двух групп респондентов, роль значимых Других в их социальном мире.

Ключевые слова: подростки, социальные сироты, профессиональное самоопределение, личностная и социальная идентичность.

Abstract. This paper presents empirical results of the comparative analysis of two groups of teenagers. The first were brought up in a family and the second – in a social centre. The research was conducted by using Kuhn-McPartland's method «Who am I?». The empirical findings have reported significant differences in self-determination of the respondents. The analysis of structural components of social identity has showed differences in teenagers' choices, self-images and emotional reactions to different social situations. The paper also defines the basic directions of teen identity in both groups and the role of "the others" in their social environment.

Key words: teenagers, social orphans, professional self-determination, personal and social identity.

Одним из условий полноценного социального участия в жизни общества молодых людей, их независимости и социальной интеграции является получение ими профессионального образования, которое позволяет иметь основу для равных возможностей, быть конкурентоспособным на современном рынке труда, поддерживать оптимальный уровень жизни. Они должны быть способными к достижению самостоятельности, автономности и независимому выбору профессии. Эти задачи решаются, когда дети растут в благополучной семье, с двумя родителями, где закладываются основы их профессионального самоопределения. Однако для детей – социальных сирот*, оставшихся в силу разных обстоятельств без попечения родителей, зачастую они становятся трудноразрешимыми.

Эти дети переходят на попечения государства и поступают в детские учреждения социальной защиты – детские дома-интернаты, социально-реабилитационные центры. Многочисленные исследования отечественных авторов свидетельствуют о том, что развитие ребенка

© Лебедева Н.В., 2011

* Социальными сиротами считаются дети, чьи родители живы, но не принимают участия в их жизни, лишены родительских прав.

в условиях воспитания вне семьи проходит по иному пути и имеет свои специфические особенности, в отличие от развития ребенка в благополучной семье. Анализ проблемы социального сиротства показывает, что в социальных учреждениях не всегда предоставляются условия для компенсации последствий психической депривации, что влечет за собой серьезные трудности в социализации и адаптации к жизни, построении собственной жизни воспитанниками такого учреждения [7, 317-319]. Данные исследований подтверждают, что благополучно строят свою самостоятельную жизнь не более четверти всех выпускников данных учреждений.

Профессиональное самоопределение социальных сирот имеет специфические особенности, отличающиеся от самоопределения детей из обычных семей. Оно затруднено индивидуально-психологическими особенностями личности подростка, относящегося к данной категории, а также социальной ситуацией и теми условиями воспитания, которые характерны для социальных учреждений. Профессиональное самоопределение на начальных его стадиях закладывает основы, определяет стратегию дальнейшего профессионального становления и развития личности. Особую актуальность приобретают эти вопросы в современных социально-экономических условиях развития нашей страны, при переходе на рыночную экономику и, как следствие, повышенными требованиями к квалификации специалистов. Профессиональному самоопределению воспитанников социальных учреждений необходимо уделять огромное значение, поскольку эти дети должны уметь строить и осуществлять свою жизнь самостоятельно.

Идентичность подростков как критерий самоопределения подростков

Одним из критериев самоопределения выступает идентичность, которая представляет собой осознание личностью своей принадлежности к той или иной социально-личностной позиции в рамках социальных ролей

и эго состояний. Идентичность представляет собой субъективное чувство и наблюдаемое качество личной самоидентичности, соединенное с определенной верой в тождественность и непрерывность некоторой картины мира, разделяемой с другими людьми [8, 127].

Идентичность оформляется в качестве психологического конструкта в подростковом возрасте, и от ее качественных характеристик зависит функциональность личности во взрослой самостоятельной жизни. Идентичность обуславливает способность индивида к ассимиляции личностного и социального опыта и поддержанию собственной цельности и субъективности в подверженном изменениям внешнем мире.

Личностная идентичность означает единство и преемственность жизнедеятельности, целей, мотивов, смысложизненных установок, ценностных ориентаций и самосознания личности, т. е. это самоопределение в терминах личностных характеристик. Личностная идентичность подразумевает ответ на вопрос: «Кто Я?» и описывается большей частью в субъективных терминах, хотя описание обычно начинается с перечня социально-ролевых свойств или подразумевает их.

Методика «Кто Я?», позволяющая оценить различные аспекты идентичности, была предложена более полувека назад американскими социальными психологами М. Куном и Т. Макпартлендом (1984) и до сих пор не потеряла своей актуальности в исследованиях людей всех возрастов. В литературе по социальной психологии встречаются разные варианты обработки и интерпретации результатов, полученных по этой методике.

Э. Эриксон, впервые предложивший категорию «идентичность», определил идентичность как внутреннюю непрерывность и торжественность личности. Он выделял персональную и социальную идентичность. Первая относится к самоопределению физических, интеллектуальных и нравственных личностных черт. Вторая складывается из отдельных идентификаций и определяется принадлежностью человека к различным

социальным категориям: национальности, расе, полу и т. д., обладать идентичностью – значит, сначала ощущать себя независимо от изменений ситуации, роли, самовосприятия; также это значит, что прошлое, настоящее и будущее переживается как единое целое; и последнее, это означает, что человек ощущает связь между собственной непрерывностью и признанием этой непрерывности другими людьми. Относительно содержания идентичности Э. Эриксон дает следующее определение: «Это конфигурация, которая возникает путем успешного эго-синтеза и ре-синтеза в течение детства. Эта конфигурация постепенно объединяет конституционные задатки, базовые потребности, способности, значимые идентификации, эффективные защиты, успешные сублимации и постоянные роли» [11, 49]. Таким образом, идентичность рассматривается как некая структура, состоящая из определенных элементов, переживаемая субъективно как чувство торжественности и непрерывности собственной личности при восприятии других людей признающими эти тождество и непрерывность. Чувство идентичности сопровождается ощущением целенаправленности и осмысленности собственной жизни и уверенности во внешнем одобрении.

Последователи Э. Эриксона предпринимали попытки выделения различных структурных компонентов идентичности, например, М. Де Левита различал «приписную» социальную идентичность, определяющую условия, которые человек не выбирает (например, половая или этническая идентичность); приобретенную, включающую то, что достигнуто собственными усилиями (в основном это профессиональная идентичность); заимствованную социальную идентичность, понимаемую как выполнение спектра ролей, усвоенных в ходе развития или других обстоятельств жизни. Другой пример структурного анализа идентичности в подростковом возрасте, основанный на критериях наличия/отсутствия исследования альтернатив и выбора в результате этого исследования, предложен в концепции Дж. Марсиа (цит. по

[2]), который рассматривает идентичность как «структуру эго» или внутреннюю само-создающуюся динамическую организацию потребностей, способностей, убеждений и индивидуальной истории, то есть фактически сводит идентичность к иерархической организации эго. При этом чрезвычайно важной представляется его идея о том, что данная гипотетическая структура проявляется феноменологически через наблюдаемые паттерны решения проблем.

Отечественные авторы также предлагают рассматривать структурные компоненты идентичности. Например Н.Л. Иванова (2004), доказывая, что представления личности о своем групповом членстве имеют специфическую связь с мотивационными и смысловыми ее характеристиками, выделила три блока в структуре социальной идентичности: «базисный» (обусловлен ситуацией, данной человеку от рождения, связан с мотивацией самозащиты и стремлением укрепить свои позиции на уровне национальной, региональной и семейной общности), «индивидуально-личностный» (проявляется в мотивации самоуважения и направленности на овладение требованиями культуры) и «профессионально-деловой» (проявляется в мотивации самореализации и стремлении к расширению субъективного пространства). Мотивация самозащиты сочетается со стремлением к семейному счастью, материальному благополучию, заботе о здоровье. Мотивация самоуважения сочетается со стремлением к творчеству и поддержанию хороших отношений с окружающими; мотивация саморазвития со стремлением к успеху в учебе и делах, независимости, автономии, расширению собственного профессионального сообщества. Все предлагаемые конкретизации структуры идентичности были разработаны в исследованиях, где в качестве выборки использовались молодые люди – подростки или студенты, поэтому правомерно применить структурную схему идентичности к респондентам – подросткам – социальным сиротам.

Таким образом, несмотря на разные оп-

ределения ученых компонентов социальной идентичности, суть остается одна. Например, к какому структурному компоненту будут относиться демографические признаки? По определению Де Левита – к «приписной», или «базисной», – по определению Н.Л. Ивановой. Действительно, человек рождается с определенными этническими и гендерными признаками, и в подростковом возрасте он себя идентифицирует по ним. Также «принятая» или «заимствованная» социальная идентичность определяют спектр ролей, усвоенных в ходе развития в результате тех или иных обстоятельств.

Таким образом, в качестве структурных составляющих социальной идентичности подростков можно выделить следующие:

базисная социальная идентичность – демографические характеристики, физические (внешние) данные, здоровье, возраст, национальность (этническая группа), идентификация с человечеством или людьми своей страны;

приобретенная социальная идентичность – образование, профессиональная направленность, способности, особенности поведения, уровень материального состояния, религиозная принадлежность, идентификация с другими по интересам, с определенной категорией;

принятая социальная идентичность – родственные и семейные отношения, идентификация по месту жительства и условиям проживания, отношение к другим.

Исследование

С целью изучения идентичности подростков из благополучных семей и социальных сирот, проживающих в социально-реабилитационном центре (СРЦ), было проведено исследование их самоописаний по методике М. Куна и Т. Макпартленда. Подростки должны были в течение 10 минут дать 20 определений на вопрос «Кто Я?».

Всего было опрошено две группы респондентов общей численностью 74 человека – учащихся 9 классов средней общеобразова-

тельной школы, в возрасте от 14 до 16 лет.

Первая группа составила 37 воспитанников социально-реабилитационного центра (СРЦ): 19 мальчиков и 18 девочек. Они дали 441 ответ.

Вторая группа состояла также из 37 респондентов – учеников средней школы: 17 мальчиков и 20 девочек. Данная группа дала 650 ответов.

Первоначально для анализа данных мы пользовались классификацией, разработанной в Институте социологии РАН (Козлова 1994; Ядов 1994) на основании ответов респондентов по двум классам: «Я сам» (личностная идентификация), объединяющая 18 номинаций, и «Я в группе» (социальная идентификация) – 20 номинаций.

Обработка вторичных данных осуществлялась по двум направлениям: качественному и количественному. Сначала все ответы распределялись по категориям, исходя из методологического подхода к анализу идентичности, а именно – структурного подхода, т. е. ответы респондентов были отнесены к четырем категориям: «базисной», «приобретенной», «принятой» социальной идентичности и личностной идентичности, представленной особенностями мироощущения и мировоззрения, чертам характера и уровню самооценки, психическим особенностям, интересам и увлечениям, отношении к природе, себе, учебе, игре и пр. Затем сравнивались числовые данные по каждой категории.

Для социальных сирот характерно гендерное отличие в ответах: девочки давали по 18-20 определений, в то время как мальчики – от 6 до 15.

Результаты и их обсуждение

Результаты были сведены в табл. 1, в которой обобщены ответы на вопрос «Кто Я?». Так как было одинаковое число респондентов двух групп, в процентах представлены только общие цифры по структурным составляющим идентичности.

Таблица 1

Сравнительные данные по тесту М. Куна «Кто Я?»

№ п/п	Воспитанники СРЦ N=37	Кол-во ответов, %	Подростки, воспитывающиеся в благополучных семьях N=37	Кол-во ответов, %
«Базисная» социальная идентичность				
1.	Внешние данные	16	Внешние данные	32
2.	Демографические признаки	14	Демографические признаки	34
3.	Здоровье	7	Здоровье	5
4.	Идентификация по возрасту	5	Идентификация по возрасту	7
5.			Идентификация с человечеством* (я – человек)	31
6.			Идентификация по этнической принадлежности	27
7.			Идентификация с людьми своей страны	6
	Всего	41 (9,29%)	Всего	142 (21,8%)
«Приобретенная» социальная идентичность				
1.	Особенности поведения	25	Особенности поведения	27
2.	Образование	22	Образование	37
3.	Будущая профессия	29	Будущая профессия	15
4.	Способности, которые есть сейчас	18	Способности, которые есть сейчас	29
5.	Уровень материального благополучия	6	Уровень материального благополучия	0
6.			Политические взгляды	8
7.			Идентификация по религиозной принадлежности	15
8.			Идентификация с определенной категорией	13
9.			Идентификация с людьми по интересам	8
	Всего	100 (22,67%)	Всего	152 (23,38%)
«Принятая» социальная идентичность				
1.	Идентификация со своими друзьями	19	Идентификация со своими друзьями	25
2.	Отношение к родственникам	14	Отношение к родственникам	29
3.	Отношение к другим	12	Отношение к другим	33
4.	Родство	1	Родство	14
5.	Идентификация с людьми по месту жительства	3	Идентификация по месту жительства и условиям проживания	3
6.			Семейное положение	9
7.			Родство	14
	Всего	49 (11,11%)	Всего	127 (19,54%)

Продолжение Табл. 1 на стр. 78

Продолжение Табл. 1

Личностная идентичность				
1.	Особенности мироощущения	52	Особенности мироощущения	12
2.	Отношение к игре	43	Отношение к игре	11
3.	Отношение к учебе	23	Отношение к учебе	15
4.	Отношение к природе	26	Отношение к природе	11
5.	Отношение к себе	18	Отношение к себе	26
6.	Интересы, увлечения	38	Интересы, увлечения	34
7.	Этические, нравственные качества	21	Этические, нравственные качества	17
8.	Психические особенности	15	Психические особенности	21
9.	Черты характера и уровень самооценки	10	Черты характера и уровень самооценки	65
10.	Отношение к возрасту	1	Отношение к возрасту	7
11.	Особенности мировоззрения	4	Особенности мировоззрения	5
12.			Отношение родственников	5
	Всего	251 (56,9%)	Всего	229 (35,23%)
	Итого	441 (100%)	Итого	650 (100%)

* **Примечание:** полужирным шрифтом выделены категории, которые есть у подростков из семей и нет у социальных сирот.

Как указано выше, общее число ответов подростков из семей на треть превышает общее число ответов подростков, воспитывающихся в СРЦ.

Подавляющее большинство ответов подростков – социальных сирот – относятся к личностной идентичности (56,9%), в то время как у подростков, воспитывающихся в семьях, личностная идентичность занимает последнее место (35,23%), уступая совокупному числу социальной идентичности.

Основное отличие первой группы (подростки СРЦ) от второй группы (подростки, воспитывающиеся в семьях) заключается в том, что вторая группа имеет на 10 номинаций разных компонентов идентичности больше, чем первая группа. При этом девять из 10 относятся к социальной идентичности и только одна – к личностной.

«Базисная» социальная идентичность у социальных сирот, в отличие от обычных подростков, занимает самое нижнее (третье) место среди всех компонентов социальной идентичности (9,29%). У них отсутствует идентификация с человечеством, людьми своей страны и с этнической группой, в то время как подростки, воспитывающиеся в семьях, четко определяют себя по этим осно-

ваниям («я – человек», «русский», «татарин», «живу в России», «часть своего народа»), и их «базисная» часть в два раза больше, чем у сирот. Это подтверждает не только важность вопросов для обычных подростков о собственном самоопределении в мире, стране, этнической группе («кто Я?», «из какой страны?», «какой семьи?»), но и том, что их «базисная» идентичность завершилась.

Однако для социальных сирот-подростков эта проблема не решена. Например, рассмотрим половую идентичность для девушек этой группы. В ответах ярко проявились гендерные различия. Только некоторые юноши имеют идентичность по полу, в основном они отвечали: «Я – мальчик», что можно трактовать как незрелую возрастную идентичность*. Только у трех девушек есть указание на свой пол. Именно у девушек наблюдается нарушение гендерной идентичности, которая проявляется в особенностях «одевания». Например, они указали, что любят «мужскую одежду», «одеваюсь как мой любимец», не любят «носить платья и туфли».

Кроме того, важным представляются раз-

* Ниже будет обсужден этот вопрос, так как ровесники социальных сирот – подростки из семей себя описывали более «взрослыми» терминами.

личия двух групп респондентов в числе ответов по двум номинациям, которые есть и у первой, и у второй группы – внешние данные и демографические признаки. Подростки из семей в два раза чаще обращались к своим внешним данным, чем социальные сироты, причем идентифицировали себя со своими родителями («похож на папу», «похож на маму»).

Другое различие заключается в том, что подростки – социальные сироты – не только реже обращались к указанию на свой пол, но и определяли себя «по-детски»: «я – мальчик», «я – девочка», тогда как подростки из обычных семей – отвечали: «молодой человек», «парень», «девушка».

«Приобретенная» социальная идентичность подростков СРЦ среди других компонентов социальной идентичности занимает первое место, хотя среди общего числа ответов, отнесенных к этой категории чуть больше одной пятой (22,67%). Она представлена особенностями поведения («не хочу бросить курить, но пытаюсь», «не люблю пить и курить»), желанием получить образование (в основном «хочу учиться 9 классов»), представлениями о будущей профессии (преобладают такие профессии, как повар, лесник, водитель, воспитатель), своими способностями, которые представлены очень бедно («хорошо рисую») и идентификацией по материальному положению, подчеркивающие малообеспеченность собственной семьи («бедный», «малообеспеченный»).

В отличие от подростков из семей, у социальных сирот отсутствуют описания себя как ученика. Никто из них не определил себя по политическим взглядам или по религиозной принадлежности. Другими словами, эти подростки не идентифицируют себя с Другими – ни с какой-либо категорией, с людьми по месту жительства и условиям проживания, ни с людьми по интересам (только один подросток указал, что любит играть с другом – «беситься»).

На втором месте – **«принятая» социальная идентичность** (11,11%), где полностью отсутствует идентификация с семьей (ник-

то из респондентов не указал, что он «сын», «внук» и пр.), хотя имеются незначительные данные по отношению к родственникам, другим. При этом подростки часто высказывали желание «вернуться домой» (из СРЦ).

Личностная идентичность социальных сирот представлена 11 номинациями, первое место из которых занимают «особенности мироощущения» с негативной валентностью («я – моральный урод», «ничего не боюсь» (так ответили именно девушки), «изгой» и пр.). Второе место разделили номинации «отношение к игре» («люблю играть») и «интересы, увлечения» («люблю танцевать», «люблю праздники»). Праздники и открытые мероприятия воспитанники СРЦ любят независимо от возраста, так как приезжают гости, спонсоры, которые обычно дарят подарки, и порой детей волнует не сам праздник, а наличие и качество подарков, предназначенных лично для них. Необходимо отметить особое «отношение к природе» у воспитанников СРЦ. Данная категория детей в своих утверждениях, которые преобладают над количеством ответов у подростков из семьи, высказывает свою любовь «к собакам», «телятам», «лесу», подчеркивая тем большую привязанность к природе, нежели к общению с ровесниками.

Анализ самоописаний подростков из СРЦ позволяет отметить несколько аспектов.

Первый относится к гендерным различиям, о которых указано выше. Другие различия относятся к игре. Так, в большей степени играть любят юноши. Именно они имеют идентичность с друзьями и часто писали имя друга.

Второй. В высказываниях подростков из СРЦ часто можно обнаружить противоречия. Например, у одного респондента-девушки подряд идут два высказывания: «Я хочу не делать уроки» и тут же – «Хочу учиться на пять», хотя выше она же сказала, что «Я не хочу учиться».

В отношении профессионального самоопределения трудно делать какие-либо заключения, так как, с одной стороны, они упоминают свою будущую профессию. Но, с другой

– реалистично не оценивают свои возможности, например: «Хочу быть директором», «Хочу свою фирму». При этом они редко без ошибок заполняли опросные листы, делая иногда до пяти ошибок в одной фразе, указывая, что «ненавидят учебу», то есть они не сопоставляют свои усилия с тем, чего им нужно достичь.

У подростков из благополучных семей, так же как и у социальных сирот, в структуре социальной идентичности **«приобретенная социальная идентичность»** занимает первое место. Но, в отличие от воспитанников СРЦ, они значительное внимание уделяют своему образованию, указывая престижные вузы («буду поступать в МГУ», «буду учиться в МИФИ», «пойду в медицинскую академию» и т. д.). Таким образом, подростки, воспитываемые в семье, дают конкретные определения, названия вузов, в которых хотели бы обучаться, в сравнении с воспитанниками СРЦ, которые не назвали ни одного конкретного учебного заведения для продолжения своего будущего образования.

У подростков из семьи преобладает количество ответов по «способностям, которые есть» («я хорошо танцую», «пою», «я умею делать видеомонтаж», «умею убеждать людей»). Необходимо подчеркнуть, что данная категория детей, идентифицируют себя по религиозной принадлежности («я верю в Бога»), тогда как у социальных сирот это полностью отсутствует, несмотря на то что в учреждениях, где они проживают, этому уделяется значительное внимание*. Все мероприятия, направленные на развитие религиозной культуры, не дают результата, и воспитанники относятся к этому формально.

Подростки, воспитываемые в семье, идентифицируют себя «с определенной категорией» («ученик 9 класса», «ученица 9 класса»), таким образом подчеркивая свою принадлежность к малой группе – классу, в котором обучаются. Воспитанники СРЦ не

* Например, проводятся мероприятия «Рождество Христово», «Праздник Пасхи», различные встречи, когда приглашаются священнослужители, рассказывают детям о данном празднике, обычаях, традициях. Заканчиваются встречи совместным чаепитием.

дают подобных утверждений, хотя они посещают обычную школу.

Интерес представляют политические взгляды подростков, воспитываемых в семье. Так, большинство «не доверяют нашему правительству» и желают покинуть страну, потому что «в России не ценят специалистов» и «talанты России не нужны». Один подросток ответил, что «кругом коррупция, даже в школе».

Дети, проживающие в благополучных семьях, идентифицируют себя с «с людьми по интересам» («мы с подругой увлекаемся теннисом», «я – член волонтерской группы»), таким образом подчеркивая свою принадлежность к определенным группам.

«Принятая» социальная идентичность подростков из семей почти в два раза превышает в количественном отношении эту же структурную составляющую идентичности подростков из СРЦ. Особенно выделяется номинация «отношение к другим» («я люблю красивых девушек», «уважаю друзей»), которая выше почти в три раза, что свидетельствует о их сексуальном самоопределении. Юноши, воспитываемые в семье, проявляют интерес к противоположному полу, подчеркивая внешние данные девочек («мне нравятся девушки невысокого роста»).

Подростки из благополучных семей идентифицируют себя по «семейному положению» («я – старшая сестра», «живу в дружной семье») и по «родству». Здесь проявились гендерные различия: только девушки видят себя «будущими мамами» и «будущими женами», в отличие от юношей, которые не считали нужным задуматься о своем будущем семейном положении. Как видно из данных табл. 1, данная идентичность по семейному положению и родству полностью отсутствует у социальных сирот – как юношей, так и девушек.

Анализируя **личностную идентичность** у подростков обеих групп, необходимо отметить, что у детей, воспитываемых в семье, «отношению к себе» уделяется большее внимание («я себя уважаю», «я люблю себя»), нежели у социальных сирот. Опре-

деленный интерес представляет идентификация по «чертам характера и самооценки». Так, подростки из семей оценивают себя, как «самодовольный», «красивый», даже имеют завышенную самооценку «красавчик», «супергерой», «самовлюбленный» или неуверенность в собственных силах «вроде бы умный», «иногда долго соображаю», «часто туплю».

Встречаются выражения, которые показывают сложный внутренний мир подростка с неопределенностью по отношению к самому себе «я – немного странный», «непонятный», «необычный», хотя большинство подростков из семьи считают себя смелыми, настойчивыми, не стеснительными, веселыми. Есть образные выражения «кошка, которая гуляет сама по себе», «лиса, не желавшая врать».

«Интересы, увлечения» занимают второе место по числу в личностной идентичности как первой, так и второй группы. В обеих группах большое число ответов, однако, если сравнить разнообразие ответов, оказывается, что подростки из семей отличаются большим выбором разных видов увлечений. Основное место у подростков занимают занятия спортом, однако подростки из семей предпочитают разнообразные и нередко дорогие виды спорта («люблю кататься на горных лыжах», «увлекаюсь плаванием», «люблю теннис», «люблю футбол»), в то время как социальные сироты довольствуются тем, что им может предложить СРЦ («нравится наш спортзал», «люблю наши спортивные мероприятия»). Данные ответы характерны для юношей, тогда как девушки из двух групп любят «танцы», «вечеринки», «праздники».

Подростки из благополучных семей уделяют внимание собственной внешности. Респонденты отвечали: «люблю носить строгие костюмы», «люблю стиль в одежде», девушки – «люблю красиво одеваться», «ходить в салон красоты», «нравится одеваться у Киры Пластининой».

Различие групп обнаруживается в ответах по оценке своих черт характера и уровню самооценки. Так, у подростков из СРЦ (всего 10 ответов или 2,43%) преобладают как негативные черты («бываю агрессивным», «иногда

вредный»), так и позитивные («красивый», «умный», «спортивный», «симпатичная»). У подростков из семьи черты характера и уровень самооценки в пять раз больше (65 ответов или 10%). Их ответы отличаются большим разнообразием, и разделить их только на негативные и позитивные не всегда возможно («гордый», «хитрый», «коварный», «начитанный», «настоящий»).

В любом случае, уровень самооценки представлен гетерогенностью ответов, характеризующих как внешность («красивый», «симпатичная», «смазливый»), так и черты характера («веселый», «общительный», «самодовольный», «тактичная», «доверчивая»).

В ответах подростков из семьи, показывающих отношение к учебе, преобладает интерес к конкретным школьным предметам («люблю математику», «люблю физику», «увлекаюсь химией», «есть интерес к географии», «нравится английский», «начала учить японский»). Один подросток отметил свое увлечение историей Руси, которое не только показывает интерес к учебе, но и нравственное отношение (он же ответил «уважаю царскую Россию»).

Подростки, воспитываемые в семье, любят совместные игры с друзьями («люблю играть с другом», «люблю с друзьями ходить в боулинг», «часто с другом боремся»).

В отношении к природе проявляется широкий спектр интересов («люблю акул», «люблю шиншиллу», «нравятся дельфины», «обожаю попугая»), тогда как у подростков, воспитываемых вне семьи, данный интерес более узкий («люблю собак», «люблю лошадей»).

Подростки из благополучных семей отмечают у себя нравственные качества, ценят и уважают порядочность, честность, справедливость, стараются быть преданными друзьями, уважают старших.

Одну из номинаций в личностной идентичности у подростков, воспитываемых в семье, представляет «отношение родственников» («люблю маму», «люблю свою семью»), однако ни один из респондентов – социальных сирот – этого не написал.

Подводя итог исследованиям идентичности у подростков, воспитывающихся в семье и в условиях проживания в СРЦ, необходимо отметить, что наличие собственной благополучной семьи оказывает положительное влияние на формирование социальной идентичности подростков, делая подростков более адаптированными к проживанию в современных экономических условиях, адекватно оценивающими свои способности, тем самым готовя их к взрослой самостоятельной жизни.

Заключение и выводы

Проведенное исследование дает богатый материал для размышления, несмотря на немногочисленную выборку. Для интерпретации полученных данных можно прибегнуть к анализу Г. Родригеса-Томэ, который также с помощью использованной и нами методики Куна-Макпартленда изучал тематическое содержание самоописаний подростков [2, 112]. Он выделил в структуре подростковой идентичности три основных дихотомических организованных изменения. Однако полученные нами данные на выборке социальных сирот позволяют уточнить и дополнить эти изменения.

1. Подростки из благополучных семей оценивают собственные выборы и решения, исходя из собственных представлений. Они эмоционально включены в процессы образовательного, профессионального, идеологического и сексуального самоопределения, что принято считать основными векторами формирования подростковой идентичности. Присутствие Других (под ними понимаются в первую очередь родители и референтные группы сверстников) включено в их осознание себя. Однако у подростков социальных сирот Другие отсутствуют. Они определяют себя через «состояние» (я – такой-то), в то время как благополучные подростки – через «активность» (я – принадлежу к такой-то группе). Это «состояние» отнесено нами к номинации «особенности мироощущения», которое дает довольно пессимистическую

картину («не люблю солнечные ясные дни», «одиночка», «люблю ночь», «у меня нет настоящей подруги», «люблю тишину, не люблю, когда шумят», «хочу жить совсем один», «мне никто не нужен», «все врут», «все ненастоящие», «мне не верят», «я не верю взрослым», «меня не любят в школе», «я верю только Джеку (собака)», «ко мне не приходит папа», «тетя обманула», «хочу домой»).

2. Если одно из измерений идентичности отражает представленность в Я-концепции того или иного полюса дихотомии «социально одобряемые» и «социально неодобряемые» самохарактеристики, то именно у социальных сирот наиболее выражены социально неодобряемые самохарактеристики как оценочное измерение идентичности, связанное с общим низким уровнем удовлетворенности жизнью и низкой самооценкой.

3. Кроме того, исследование позволило описать такие векторы, характеризующие психологическую составляющую самоописаний, как образ-Я и эмоциональная реакция на социальные ситуации, значимые для подростков.

Образ-Я подростков из семей включает в себя не только представления о себе как представителя больших (гендерных, этнических) и малых групп (класс, семья, друзья), но и систему ценностей и приоритетов. Он позволяет совершать осмысленные выборы на жизненном пути, то есть получать желаемое образование и готовиться к будущей профессии.

Как считают отечественные психологи, «наличие связанных и непротиворечивых субъективных концепций социального мира является основой формирования компетентности в социуме» [1, 305]. С нашей точки зрения, для подростков важно иметь кроме этого и связанную и непротиворечивую концепцию-Я. Важно понять, насколько подростки испытывают необходимость осмыслить собственную социальную ситуацию, видеть себя в этой ситуации.

Образ-Я подростков – социальных сирот – не позволяет им планировать и целенаправленно выстраивать собственную жизнь в

рамках социального пространства. Их концепция-Я представляется противоречивой. С целью преодолеть это противоречие они избирают определенную стратегию. Так, вместо того, чтобы перечислить, кто они есть (на ответ «Кто Я?»), они самым подробным образом писали о том, что они хотят или чего они не хотят. Их идентичность представляется многоаспектной, потому что вместо кратких ответов они давали самое подробное описание своих пристрастий и предпочтений. Например: «Я не люблю драки, мне это не нравится», «Я люблю тишину. Не могу, когда шумят», «Я люблю одевать своего парня одежду». Это можно расценить как своего рода защитный механизм, когда подросток испытывает трудности идентичности, не может себя определить как члена большой или малой социальной группы и закрывается от других уходом в особенности мироощущения, поведения, интересы и увлечения.

Второй вектор, характеризующий психологическую составляющую самоописаний, это эмоциональная реакция на социальные ситуации. У социальных сирот вместо позиции, характерной для подростков из семей, – «я люблю делать то-то», существует только позиция «я люблю /или не люблю то-то».

4. Наличный социальный опыт, стереотипы прививает семья, хотя, как предупреждает Л.А. Петровская, «семья может зачастую больше акцентировать именно внешние ориентиры, а не внутренние» [10, 327]. Это может взрослого человека в цикле его дальнейшей жизни привести к тому, что он станет перед выбором – следовать ли устоявшейся семейной традиции или провести сложную работу по переориентировке, по «перестраиванию себя».

Многие социальные сироты имеют негативный социальный опыт, испытали психологическую травму. Известно, что обычно люди, подвергшиеся насилию, травматичному событию и пр., делят свою жизнь на «до» и «после»: у них нарушаются обычный ход времени, порядок вещей и причинно-следственные связи. Жизнь воспринимается как не имеющая оснований в прошлом и продол-

жения в будущем.

Социализация социальных сирот связана с подавлением, искаженным развитием изначального потенциала в силу разных обстоятельств. Как считает А. Маслоу, для нормального развития ребенка взрослым необходимо не мешать естественному процессу развития, не слишком часто вмешиваться, «не заставлять идти его по обозначенному ими пути» [9, 241]. Однако подростки в силу сложившихся обстоятельств вынуждены жить вне собственного дома, с другими подростками, также имеющими нарушения идентичности и концепции-Я, подчиняться регламентации социально-реабилитационного центра. Отсутствие значимых Других в их социальном мире не позволяет формировать профессиональное самоопределение также, как гендерное, образовательное и др. Эти подростки активно противостоят, вступают в конфронтацию с предлагаемыми им со стороны взрослых и общества возможностями. Требования к жизни у них смутные и противоречивые. У них также отсутствуют предпочтения каких-либо профессиональных (идеологических, гендерных) моделей поведения. Другими словами, проблемы выбора перед социальными сиротами в подростковом возрасте не стоят, они или не рассматривают себя в качестве авторов собственной судьбы, или ориентируются в выборе профессии исключительно установками взрослых, работающих в СРЦ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алавидзе Т.Л., Антонюк Е.В., Гозман Л.Я. Социальные изменения: восприятие и переживание // Социальная психология в современном мире: Учеб. пособие для вузов / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М., 2002.
2. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности: Учеб. пособие для вузов. М., 2001.
3. Иванова Н.Л. Структура социальной идентичности личности: проблема анализа // Психологический журнал, 2004. № 25. № 1.
4. Козлова Т.З. Самоидентификация некоторых социальных групп по тесту «Кто я?» // Социальная идентификация личности – 2 / Отв. ред. В.А. Ядов. М., 1994.

5. Кун М., Макпартленд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М., 1984.
6. Лебедева Н.В. К проблеме психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения воспитанников социозащитных учреждений // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные решения, 2010. № 3 (8).
7. Лебедева Н.В. Особенности профессионального самоопределения воспитанников социозащитных учреждений // «Медиа-ВАК» Бизнес в законе, 2010. № 5.
8. Мананикова Е.Н. Социальная психология: Учеб. пособие. М., 2008.
9. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997.
10. Петровская Л.А. Гуманистический аспект психологической помощи // Социальная психология в современном мире: Учебное пособие для вузов / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М., 2002.
11. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ.; Общ. ред. и пред. А.В. Толстых. М., 1996.
12. Ядов В.А. Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен // Социальная идентификация личности – 2 / Отв. ред. В.А. Ядов. М., 1994.